

МЁРТВЫЙ
перформанс

АСТРА ГРЕЙ

Астра Грей

Мёртвый перформанс

«Автор»

2026

Грей А.

Мёртвый перформанс / А. Грей — «Автор», 2026

В стерильном холле бизнес-центра «Плаза» находят девушку. Мертва, но улыбается. Её тело — произведение искусства. Кто-то с хирургической точностью превратил смерть в инсталляцию. Лада Вершинина — патологоанатом, дочь главного кардиохирурга — сразу понимает: это не просто убийство. Это перформанс. Убийца оставляет послания на костях жертв, как на страницах учебника. Вместе с циничным оперативником Егором Москалёвым Лада вступает в гонку со временем. Каждое новое тело приближает их к разгадке. Но чем глубже они копают, тем яснее: убийца знает о Ладе больше, чем она думает. Он ведёт диалог. И в этом диалоге она — главный адресат. Прошлое настигает в самый неожиданный момент. Ошибка хирурга превращается в кровную месть, а искусство — в оружие. «Мёртвый перформанс» — ледяной триллер, где каждый скальпель оставляет след. Но главный след — внутри.

© Грей А., 2026

© Автор, 2026

Астра Грей

Мёртвый перформанс

Мёртвый перформанс

«Хирург не имеет права на ошибку. Убийца — тем более.»

ПРОЛОГ

Зеркальный атриум бизнес-центра «Плаза» был выточен из стекла и полированного бетона. В восемь сорок пять утра здесь кипела жизнь: шелестели дорогой тканью пальто, звенели турникеты, а воздух был пропитан ароматом свежемолотой арабики и парфюма. Сотни людей спешили к лифтам, не обращая внимания на декоративную инсталляцию в центре холла — высокую бронзовую арку с мягкой подсветкой.

В самом центре арки, на строгом дизайнерском кресле, сидела девушка. На ней был безупречно отглаженный брючный костюм графитового цвета. Белоснежная блузка, идеально уложенные тёмные волосы, лёгкий дневной макияж. Правая рука покоилась на подлокотнике, левая красиво лежала на коленях. Она смотрела прямо перед собой — с едва уловимой, спокойной и бесконечно умиротворённой улыбкой.

Мимо прошёл клерк с стаканчиком кофе, на секунду задержал взгляд:

— Симпатичная. Наверное, промо-модель нового бренда.

В восемь пятьдесят девять у подножия арки остановилась стайка стажёров. Они тихими шагами обошли кресло, обмениваясь смешками.

— Слушай, она вообще мигает? — шепнула одна из девушек. — Словно восковая.

В девять ноль-ноль ровно внутри стеклянного купола атриума зазвенел тихий, идеально чистый звук — похожий на хрустальный тон настраиваемого органа.

Под тонкой тканью блузки на груди девушки зажегся мягкий багровый свет. Он не вспыхнул ярко, а начал пульсировать — ровно, ритмично, с частотой шестьдесят ударов в минуту. Ткань в районе сердца стала прозрачной, и находящиеся рядом с ужасом увидели, что под строгой одеждой, прямо в мягких тканях грудины, вшит плоский силиконовый модуль.

А затем из спрятанного в нём микро-динамика раздался звук. Это была не музыка. Это было негромкое, суховатое тиканье хирургического таймера, за которым последовал записанный на плёнку, кристально чистый шёпот самой девушки:

«Шестьдесят секунд... Пятьдесят девять... Смерть — это тоже форма искусства...»

Один из стажёров шагнул вперёд и случайно коснулся её пальцев. Они были не просто холодными — они были твёрдыми, как застывший полимер. И абсолютно обескровленными.

Атриум взорвался криками.

ГЛАВА 1

В подвальном этаже Главного следственного управления царила привычная стерильность. Звуки уличного шума сюда не проникали, глушась толстыми бетонными стенами и мощной системой вентиляции.

Лада Владимировна Вершинина стояла у секционного стола. Полы её халата были безупречно чистыми, волосы убраны в тугий, гладкий пучок на затылке. Из-под рукавов виднелись тонкие запястья, но пальцы в анатомических перчатках действовали с холодным, почти невероятным автоматизмом.

Она не проработала в морге и трёх лет, но её имя уже знали все: дочь профессора Вершинина, главного кардиохирурга столицы, ушедшая из элитной медицины в судебно-медицинскую экспертизу. В её действиях не было ни грамма эмоций — только абсолютный, доведённый до совершенства прагматизм.

Лада стояла над столом, и впервые за много лет её руки на мгновение замерли. Не от страха — от узнавания. Она видела эту работу не первый раз. Так резали только те, кто знал анатомию не по учебникам, а по памяти мышц, по пульсу сосудов, по тому, как тело сопротивляется скальпелю.

Она провела пальцем по краю разреза — ровного, как линия на чертеже.

— Он не мучил её, — тихо сказала она, скорее себе, чем Москалёву. — Он просто... использовал. Как материал.

В голосе не было сочувствия. Только констатация факта.

Тяжёлая металлическая дверь морга со скрежетом отворилась. В секционный зал вошёл человек, который выглядел чужеродным элементом в этой царственной стерильности. Егор Григорьевич Москалёв. Высокий, плотный, с тяжёлым, словно высеченным из гранита лицом и рваным шрамом, уходившим от скулы за воротник куртки. От него веяло уличной сыростью, табачным дымом и тем самым тяжёлым духом, который неизбежно оседает на людях, прошедших через горячие точки и разведку.

Армейские ботинки Москалёва глухо печатали шаг по кафелю.

— Доктор Вершинина? — его голос прозвучал суховато, с характерной военной хрипотцой. — Я Москалёв. Из оперативной группы. Мне сказали, вы уже час трусите над телом из «Плазы».

Лада даже не выпрямилась. Скальпель в её руке сделал филигранный надрез вдоль межреберной дуги.

— Во-первых, Москалёв, не «над телом», а над объектом экспертизы, — произнесла она ровным, бархатистым, но абсолютно отстранённым голосом. — Во-вторых, вы перекрываете мне бестеневую лампу. Сдвиньтесь на полметра влево и не дышите табачным перегаром в стерильное поле.

Егор хмыкнул, но шаг влево всё же сделал. Наклонившись над столом, он смерил погибшую длинным, вьедливым взглядом. Его опыт подсказывал: здесь не было пьяного хаоса, следов паники или бытовой жестокости.

— Ни гематом на запястьях, ни следов борьбы, — заговорил Москалёв, и его глаза сузились. — Никаких повреждений одежды. Чтобы удерживать человека в таком положении, нужен или запредельный страх, или химический блок.

— Химический блок, — подтвердила Лада, аккуратно разводя ткани пинцетом. — Пропрофол в комбинации с миорелаксантом короткого действия. Идеальная дозировка. Она не могла даже моргнуть, но находилась в полном сознании до самого конца.

Москалёв замер. Он видел на войне многое — разрывы, отсечённые конечности, сожжённую плоть. Но эта стерильная, математически просчитанная жестокость отзывалась внутри куда более опасной тревогой.

— Он делал это наживую? — тихо спросил он.

— Да. Но главное не это, Григорьевич, — Лада поднесла лампу ближе к открытой грудной клетке и впервые подняла на него глаза. В её взгляде не было страха или отвращения — только звенящая ярость профессионала. — Убийца не просто слил кровь. Он выкачал её и заполнил сосудистую систему консервирующим раствором, пока её сердце ещё билось. Для этого нужен специальный катетер и хирургический доступ.

Она указала пинцетом на внутреннюю сторону грудины. Там, аккуратно прикреплённая к кости тончайшей хирургической нитью, блестела маленькая прямоугольная пластина из полированной стали.

— Марка стали — 40X13. Медицинский сплав повышенной прочности, — сухо продиктовала Лада. — Спецзаказ для ВНИИ медицинской техники. Такими нитями и пластинами работают всего три клиники в городе. И одна из них — клиника моего отца.

Егор медленно перевёл взгляд с блестящего металла на бледное, гордое лицо Вершининой.

— Похоже, Владимировна, — произнёс Москалёв, доставая из кармана пачку сигарет и тут же убирая её обратно под её ледяным взглядом, — наш маньяк не просто убивает. Он с нами разговаривает. И, кажется, твоего отца он знает куда лучше, чем хотелось бы.

ГЛАВА 2

Стеклянная колба с консервирующим составом тикала под лучами люминесцентных ламп. Лада уже сняла перчатки, но даже без медицинского экипа выгнуть спину и расслабиться себе не позволяла. У неё была осанка человека, с детства приученного к идеальной дисциплине.

Москалёв стоял у окна, сжав губы. На столе перед ним лежала распечатка с камер видеонаблюдения бизнес-центра «Плаза».

— Камеры — пустышка, — хрипло выдохнул Егор, не оборачиваясь. — Девушка, Алина Соколова, 26 лет, маркетолог. Зашла в здание в воскресенье вечером, в 22:40. Своего пропуска у нее не было, вошла по гостевому QR-коду. И с того момента по всем объективам — ровный «белый шум» на сорок минут. Профессиональная глушилка. Когда картинка вернулась, она уже сидела в кресле. Один. Совершенно один человек пронёс её, установил подсветку, вшил модуль и ушёл unnoticed.

— Он не просто пронёс её, Москалёв, — Лада подошла к столу, удерживая пинцетом тонкий прозрачный пакет с той самой стальной пластиной. — Он проводил манипуляции прямо там. Препарат, который я нашла в её крови, застывает за пятнадцать минут. У него было рассчитано всё до секунды.

Она положила пакет прямо перед оперативником. На полированной поверхности стали отчётливо проступали выгравированные символы: «LV-01-V».

Егор прищурился, вглядываясь в марку.

— Твои инициалы? Лада Владимировна Вершинина?

— Мои, — отрезала она. Голос Лады оставался ровным, но пальцы слегка сжались на крае стола. — Это не просто марка стали. Это персональный маркиратор инструментов из первой операционной моего отца. Каждая игла, каждый скальпель там имеет свой номер, чтобы исключить подмену или кражу. «01» — это личный набор академика Вершинина.

Москалёв медленно повернулся к ней. В его глазах вспыхнул тот самый опасный, тяжелый огонь, с которым он входил в зоны боевых действий.

— Значит, урод работает изнутри. Или кто-то из ваших решил устроить кровавый спектакль, или у твоего папаша в шкафу скелеты размером с целое кладбище. Поехали.

— Куда? — Лада вскинула подбородок.

— К автору набора, Владимировна. К твоему отцу.

Чёрный внедорожник Москалёва мчался по ночной Москве, рассекая дождевую морось. В салоне пахло старой кожей, оружейным маслом и крепким табаком.

Лада сидела на пассажирском кресле, уставившись на бегущие огни фонарей.

— Не смотрю, что ты так держишься, — разрушил тишину Егор, сжимая руль так, что побелели костяшки. — В разведке я таких видел. Снаружи — кремь, а внутри всё давно сгорело. Долго собираешься делать вид, что тебя не трясёт?

— Меня не трясёт, Григорьевич, — холодно отозвалась Лада. — Я анализирую.

— Ты анализируешь, а маньяк тем временем вырезал твоё имя на костях мёртвой девчонки, — жёстко перебил Москалёв. — Это не академический случай, Лада. Это охота. И в этой охоте ты — не эксперт. Ты — приманка.

Лада медленно повернула к нему голову.

— Если вы думаете, что я испугаюсь и запрусь в своей стерильной лаборатории, то вы плохо знаете Вершининых. Мой отец спасал людей, когда ваше подразделение ещё в грязи ползало. И если кто-то использует его имя для этого ужаса, я лично вскрою этого «художника». Без наркоза.

Москалёв коротко усмехнулся — без веселья, но с признанием:

— Ну-ну. Посмотрим, как запоёшь, когда мы приедем в клинику.

Машина резко затормозила у монументального здания из серого гранита с вывеской: «Центр сердечно-сосудистой хирургии академика Вершинина». На верхнем этаже, несмотря на три часа ночи, горел один-единственный кабинет.

Кабинет академика Владимира Ильича Вершинина больше напоминал музей: дубовые панели, тяжелые кожаные кресла, стеллажи с фолиантами на латыни и старинные хирургические инструменты под стеклом.

За массивным столом сидел мужчина лет шестидесяти пяти. Высокий, с безупречно зачёсанными седыми волосами и тем самым холодным, пронизывающим взглядом, который Лада унаследовала в точности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.